

Когда вечером Цин Янь умывался, он заметил на запястьях Цю Хэняня два кровавых следа, натертые пеньковой веревкой. Такие же раны были и на лодыжках, и выглядело это крайне устрашающе.

Цин Янь от боли и сострадания чуть не заплакал. Он стоял перед мужчиной, беспомощно глядя на него покрасневшими глазами, не в силах произнести ни слова. Цю Хэнянь сидел на краю кровати, протягивая к нему руку. Однако Цин Янь только смотрел на него и не двигался с места.

Цю Хэнянь тихо вздохнул, с легкой улыбкой, полной терпения, сказал:

— Ничего страшного, я уже обработал раны. Через пару дней все заживет.

Цин Янь так и не ответил.

Голос Цю Хэняня стал мягким и нежным:

— Иди сюда, мне хочется тебя обнять.

Лишь после этого Цин Янь подошел ближе, сделав несколько робких шагов. Он мягко устроился боком на его коленях, уткнувшись головой в его шею.

Цю Хэнянь чувствовал теплое дыхание своего супруга и нежное прикосновение его щеки. Он обнял Цин Яня, легонько похлопывая его по спине.

Цин Янь издал сдавленный, еле слышный всхлип:

— Это я виноват, слишком был жаден, и ты из-за этого пострадал.

Цю Хэнянь, склонившись, поцеловал его волосы:

— Мы сделали это вместе, как ты можешь винить себя? К тому же вчера я был счастлив.

Цин Янь тихо возразил, почти шепотом:

— Больше так нельзя. Я не хочу снова видеть тебя раненым.

Цю Хэнянь на мгновение замолчал, не сказав ни слова.

Цин Янь поднял голову, чтобы посмотреть на него, и заметил, как тот пристально смотрит на

него глубоким и полным противоречий взглядом. Адамово яблоко Цю Хэняня дрогнуло, и он сказал:

— Цин Янь, ты ставишь меня в затруднительное положение. Я не могу этого обещать.

С того вечера перед сном Цю Хэнянь начал уходить в соседнюю комнату и чем-то заниматься там. Цин Янь несколько раз заходил посмотреть, но так и не понял, что именно тот делает. На вопросы Цю Хэнянь только отвечал:

— Когда закончу, ты сам все увидишь.

Погода становилась все теплее. Цин Янь сменил на кровати толстые одеяла на легкие, а подушки — на прохладные бамбуковые. Снятые одеяла и постельные принадлежности он решил выстирать в солнечный день и развесить сушиться во дворе.

Пока он был занят, снаружи раздался голос:

— Цин Янь, ты дома?

Цин Янь поспешно отозвался и пошел открывать дверь. Перед ним стояли жена Лю Фа и супруг Лю Цая, Ци Инлань, который недавно вошел в их семью.

Увидев, что Цин Янь занят, жена Лю Фа предложила:

— Ах, ты постельное белье развешиваешь? У нас дома его только вчера выстирали. Давай, я помогу тебе.

Ци Инлань шагнул вперед из-за ее спины и сказал:

— Сестра, ты и так в последние дни много работала. Лучше я помогу брату Цин Яню развесить.

Этот молодой гер говорил мягким, нежным голосом, и, казалось, умел находить подход к людям и делать все правильно. Цин Янь улыбнулся и сказал:

— Тогда, старшая сестра, ты присаживайся, а Инлань мне поможет.

Жена Лю Фа с улыбкой устроилась на маленьком табурете, наблюдая за тем, как они работают.

Ци Инлань не был особенно примечателен внешне, но обладал стройным телосложением и ловкими руками. Видно было, что он привык к домашней работе. Цин Яню одному было немного трудно развешивать простыни, но с Инланем оказалось проще: они вдвоем брали каждый за край, слегка встряхивали, и складки расправлялись сами собой. После этого оставалось только закрепить простыни, и дело было сделано.

С работой они быстро справились, и все трое вошли в дом, чтобы посидеть. Цин Янь принес к столу орехи и арахис.

Жена Лю Фа принесла ему корзину с сушеным картофелем и сказала:

— Это я сушила прошлой осенью. Замочи в воде, чтобы размяк, и поджарь с грудинкой. Очень вкусно.

Цин Янь поблагодарил ее. Она, взглянув на Ци Инланя, с улыбкой сказала:

— А у нашего Инланя тоже есть для тебя подарок, только он стесняется его достать.

Цин Янь удивленно посмотрел на Ци Инланя, который, поджав губы, молча подошел и протянул ему небольшой ароматный мешочек, сделанный своими руками.

— Это я сам сшил, — сказал он, чуть смущаясь. — Боюсь, тебе не понравится.

Цин Янь взял мешочек и внимательно его осмотрел. Он был очень изысканным: небесно-голубая шелковая ткань с едва заметным узором из бамбуковых листьев, горловина мешочка украшена кисточкой такого же цвета. Поднеся его к носу, Цин Янь вдохнул мягкий, утонченный аромат, который был далеко не таким резким, как у покупных мешочков.

Ци Инлань пояснил:

— Внутри сушеная кожура мандарина и тмин. Это помогает успокоиться и лучше засыпать.

Цин Янь восхищенно сказал:

— У тебя золотые руки. Этот мешочек сделан великолепно. Мне он очень понравился. Приходите к нам с сестрой, как будет время. Посидим, поговорим.

Ци Инлань с улыбкой кивнул.

На самом деле, у жены Лю Фа и Инланя не было каких-то важных дел. Ци Инлань, недавно вышедший замуж в соседнюю деревню, еще мало кого знал в новой общине. Жена Лю Фа

привела его к Цин Яню, чтобы они подружились и у Инланя появился человек, с кем можно поговорить.

Они еще немного посидели и поговорили на разные темы, а потом затронули предстоящее мероприятие «Маньюэ хуэйцин» — торжество по случаю первого месяца жизни новобрачных. Через месяц после свадьбы тесть и теща должны навестить дом зятя. В это время семья Лю устраивает праздничный обед, что считается важным событием.

Хотя Ци Инлань вежливо сказал, что все можно организовать просто, жена Лю Фа отнеслась к этому серьезно и долго обсуждала с Цин Янем, какие блюда стоит приготовить для гостей.

Днем, пока солнце еще не зашло, пришел Шэнь Вэнь, принес корзинку только что собранных побегов полыни и сказал:

— Уже скоро Фестиваль лодок-драконов, побеги полыни сейчас самые свежие и нежные. Опusti их в кипяток, но долго не держи — только чтобы обдать. Потом махай в соус — они будут очень вкусными и нежными.

Цин Янь принял корзинку, пересыпал побеги полыни в свою и пригласил Шэнь Вэня присесть поговорить. Однако тот отказался:

— У меня дома уже почти готов ужин, я должен возвращаться.

Цин Янь, волнуясь, все же спросил:

— У вас все в порядке в последнее время?

Шэнь Вэнь кивнул:

— Не переживай, они с матерью сейчас ко мне относятся вполне доброжелательно.

После этого Шэнь Вэнь вышел из дома Цин Яня и направился домой. Когда он вошел, старуха Ван, мрачно сжав губы, варила кашу из диких трав. Увидев его, она гневно посмотрела на него, но, в отличие от прежних раз, не стала ругаться.

Ван Хэяо же лежал в комнате своей матери на кровати, с лицом, сплошь покрытым синяками и кровоподтеками, так что глаза едва открывались. Он жалобно стонал:

— Ай, ай...

Он до сих пор не смог собрать деньги для компенсации Цянь Лэю. Несколько дней скрывался

дома, но вчера его азарт вновь взял верх, и он пошел в игорный дом, чтобы хоть немного развеяться. Там он столкнулся с подосланными Цянь Лэем головорезами, которые снова его избili.

Вечером семья кое-как разделила одну чашку каши на всех. Масла для лампы в доме больше не было, поэтому, как только стемнело, все легли спать.

В последнее время Ван Хэяо спал на полу в комнате матери, но этой ночью он пришел к двери Шэнь Вэня и постучал. Дверь не была заперта, и Шэнь Вэнь пригласил его войти. Ван Хэяо, согнувшись, неуверенно зашел внутрь, с плаксивым голосом произнес:

— Если я не найду еще десять лян серебра, Цянь Лэй отправит людей убить меня!

Шэнь Вэнь спокойно ответил:

— Тогда продай этот дом.

Ван Хэяо всполошился:

— Дом — это не земля, если его продать, где тогда жить? Моя мать с меня кожу спустит!

Он сделал шаг вперед и, понизив голос, сказал:

— Завтра сходи к тому уроду и займи денег. Вы с его гером в хороших отношениях, он точно что-то даст.

Шэнь Вэнь ответил:

— Я не пойду.

Лицо Ван Хэяо исказилось от злобы. Сквозь зубы он сказал:

— Шэнь Вэнь, ты толкаешь меня на смерть. Хочешь, чтобы я пошел ва-банк? Тогда будь готов, сегодня тебе не поздоровится.

Шэнь Вэнь молча вытащил из-под подушки кухонный нож. Даже в темноте лезвие блестело, излучая холод.

Он поднялся с ножом в руке:

— Ладно, как скажешь. Давай прямо сейчас посмотрим, кто из нас останется жив!

Ван Хэяо задрожал всем телом. Увидев, что Шэнь Вэнь быстрыми шагами идет к нему, он в панике подпрыгнул, завопил, выбежал из комнаты, с грохотом захлопнул дверь и бросился бежать за пределы двора.

□□.....

С наступлением мая даже тонкие хлопковые одежды стало невозможно носить — стало слишком тепло. Бегония, розы и жасмин уже вовсю цвели. Цин Янь помогал тете Ли подниматься в горы за цветочными бутонами, чтобы успеть собрать их до того, как цветы начнут осыпаться. Они работали несколько дней подряд.

В тот день, возвращаясь с гор, они встретили жену Лю Фа.

Тетя Ли спросила:

— Что это старшая невестка из дома Лю такая озабоченная и торопится?

Жена Лю Фа, сияя радостью, ответила:

— А что, у нас у Инлани в последнее время аппетита нет. Захотелось бананов. А Лю Цай занят с тофу и выйти не может, вот я и пошла в город за большой связкой.

При этом она предложила тете Ли и Цин Яню по банану. Но бананы были не из дешевых, и оба отказались.

Цин Янь обеспокоенно спросил:

— А что с Инланем? Он себя плохо чувствует?

Услышав это, жена Лю Фа прикрыла рот и засмеялась. Тетя Ли тут же все поняла, хлопнула себя по бедру и понизила голос:

— Ваш Инлань ждет ребенка?

Жена Лю Фа кивнула.

Цин Янь не сразу сообразил и в замешательстве спросил:

— Какой ребенок?

Когда обе женщины посмотрели на него с загадочными улыбками, он вдруг догадался: Ци Инлань беременен.

Цин Янь застыл на месте, ошарашенный.

Попрощавшись с женой Лю Фа, они с тетей Ли продолжили путь домой. По дороге тетя Ли задумчиво заметила:

— Если прикинуть по времени, то он, наверное, в ту же первую брачную ночь забеременел. Сейчас как раз месяц прошел, вот и начались первые признаки.

Цин Янь, попав в этот мир, впервые узнал, что геры могут беременеть. Он вспоминал образ Ци Инлани: казалось, он лишь немного миниатюрнее обычного мужчины, да кожа более нежная.

Только сейчас до Цин Яня дошло, что он упустил один важный момент. Воспоминания о мире, в котором он оказался, существовали в его голове как история, записанная в книге. А книги не могут передать все детали — в них многое описывается поверхностно.

Например, он определял разницу между мужчинами и герами по более изящному телосложению, чертам лица, а также по одежде. В большинстве случаев различить их было несложно: геры предпочитали яркие цвета, украшали волосы заколками или цветами, носили браслеты и кольца. Мужчины такими вещами не увлекались.

Цин Янь вдруг осознал, что упустил еще один важный момент. Ведь при рождении физиологически мужчины и геры выглядят одинаково. Как же тогда отличить их пол?

Тетя Ли, тем временем, продолжала обсуждать новость о беременности супруги второго сына семьи Лю:

— Вот это действительно быстро! — заметила она и, повернувшись к Цин Яню, спросила,

— А вы с даламом что планируете? Когда собираетесь заводить ребенка? У вас ведь на родителей уже не положишься, так что лучше воспользоваться тем, что я еще в силах. Когда малыш появится, я смогу помогать вам его растить.

Цин Янь, ошарашенный, смог лишь пробормотать:

— Я... мы... ну... потом... Спасибо, тетя, я пойду!

С этими словами он стремительно сбежал.

Вечером, когда Цю Хэнянь читал ему вслух перед сном, Цин Янь никак не мог сосредоточиться, его мысли снова и снова уносило куда-то далеко. Когда занавески на кровати уже были опущены, а лампа все еще горела, он наконец пришел в себя.

Цю Хэнянь держал в ладони странный предмет, похожий на браслет, только значительно шире и массивнее.

Цин Янь удивленно спросил:

— Что это?

Цю Хэнянь протянул ему этот предмет и предупредил:

— Осторожно, внутри есть иглы.

Цин Янь перевернул «браслет» и действительно увидел внутри множество тонких игл, расположенных так тесно, что от одного взгляда становилось больно.

Цю Хэнянь наклонился к нему и тихо сказал:

— Цин Янь, надень это на мою руку.

Цин Янь нахмурился:

— Зачем тебе это? Если неосторожно заденешь, можно легко пораниться.

Цю Хэнянь покачал головой:

— Я уже пробовал. Иглы расположены очень плотно, так что они не царапают кожу, если не прилагать усилия. Но стоит сжать ободок снаружи, возникает боль, хотя проколоть кожу все равно сложно.

Цин Янь смотрел на него, постепенно начиная понимать, что тот имеет в виду. В его глазах отразилось недоверие и удивление.

Цю Хэнянь встретил его взгляд, а затем снова мягко, но настойчиво сказал:

— Надень его, Цин Янь.

Его взгляд скользнул по лицу Цин Яня, задержался на губах, а затем спустился к воротнику. Видно было, как его кадык дернулся. Он добавил:

— Я больше не могу каждую ночь сдерживать себя...

— Если я потеряю контроль, Цин Янь, — сказал Цю Хэнянь, глядя ему прямо в глаза, — сожми это кольцо изо всех сил. Не раздумывай.

Цин Янь открыл рот, собираясь что-то сказать, но лишь опустил взгляд на странный «браслет» в руках. Он замотал головой, едва не крича:

— Нет... я не могу!

Цю Хэнянь склонился ближе, их лбы соприкоснулись. Его голос звучал низко и проникновенно:

— Это не причинит мне вреда, если ты сделаешь так, — он на мгновение замолчал. В его глазах, обычно спокойных, как гладь озера, поднялись бурные волны, голос задрожал и стал хриплым, — Цин Янь, ты не навредишь мне. Ты спасешь меня.

<http://bllate.org/book/13590/1205199>